

18+

Я ТА, ЧТО ВЫШЛА
ИЗ ПЕПЛА, И ДАЖЕ
ПРОКЛЯТЫЕ ЛЮБЯТ

СВЕТЛАНА НИЛЬС

Светлана Нильс

**Я та, что вышла из пепла.
И даже проклятые любят**

«Издательские решения»

Нильс С.

Я та, что вышла из пепла. И даже проклятые любят / С. Нильс —
«Издательские решения»,

Они посмели любить — и поплатились изгнанием. За бурной рекой Олт, в сердце древнего леса, Артемид и Флорика построили дом, приручили зверей и научились быть счастливыми вдали от людей. Но лес хранил тайну. Однажды ночью к их порогу пришёл чёрный волк. Он сбросил шкуру и остался мальчиком с янтарными глазами — тем, кого деревня боялась столетиями. Тем, кто не знал ни материнской ласки, ни дома, ни любви. Влад искал тепло. А нашёл оружие для своей мести.

© Нильс С.

© Издательские решения

Содержание

**Глава 1. Первые дни	7
Глава 2. Звери.	9
Глава 3. Чёрный волк.	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Я та, что вышла из пепла. И даже проклятые любят

Светлана Нильс

© Светлана Нильс, 2026

ISBN 978-5-0069-7658-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я та, что вышла из пепла. И даже проклятые любят

Посвящается всем, кто когда-то чувствовал себя изгнанным. И тем, кто нашёл свой лес.

Есть места, где время течёт иначе.

Не так, как в городах, где часы отбивают минуты, а люди считают годы. Здесь, в сердце гор, среди скал, которые помнят ещё первые шаги зверей, время стелется по земле туманом. Оно не торопится. Оно ждёт.

В этих краях лес подступает к небу вплотную. Дорог почти нет, только звериные тропы, что выются между валунами и обрывами. Говорят, раньше люди пытались ходить здесь, но скалы не пускали — сбрасывали в пропасти тех, кто осмеливался идти напрямик. Теперь сюда заходят только отчаянные или те, кому нечего терять.

За бурной рекой Олт, что кипела белой пеной, перемалывая камни в узком ущелье, притулилась деревня. Маленькая, глухая, со своими порядками и страхами, под названием Хосман.

Люди в деревне боятся леса. Боятся по-настоящему, той древней, липкой боязнью, которая передаётся с молоком матери. Здесь не рассказывают сказок на ночь — здесь предупреждают: «Не ходи за реку, там лес. А в лесу — никто».

Старики крестятся, когда ветер доносит с той стороны вой. Молодые отводят глаза. Дети не играют в прятки у околицы. Все знают: лес смотрит. Лес ждёт. И лучше не попадаться ему на глаза.

Именно отсюда когда-то изгнали двоих — Артемида и его возлюбленную Флорику, которые посмели любить вопреки воле рода. Их отправили в лес на верную смерть, как думали все. Сказали: «Лес сам решит, достойны ли вы жить».

Но никто из деревни не знал, что лес таит в себе силу. По-настоящему мощную, богатую и такую искреннюю. Именно этой силы они и боялись.

Ребята кое-как перебрались через реку. А до реки их гнали табуном лошадей, чтобы те упали и их затоптали. Но этого не случилось, и пара бросилась в бурлящий поток, на ту сторону, к новой своей жизни. Олт — бурная, седая от пены, она несёт свои воды через ущелья,

перемалывая валуны в крошево. Гул её слышен за вёрсты, и в этом гуле есть что-то древнее, как сам мир. Так и унесло ребят далеко от деревни.

По ту сторону реки, там, где скалы расступаются, солнце пробивается сквозь кроны тяжёлыми золотыми лучами. Они ложатся на мох, на папоротники, на влажную землю, и в каждом таком луче пляшут миллионы пылинок — лес дышит, живёт, переливается.

Здесь пахнет хвоей и прелью, грибами и холодной водой. Где-то в глубине журчат ручьи, перекликаются с птицами, и этот звук не смолкает никогда — он вплёлся в тишину так плотно, что без него уже нельзя. Именно в такой атмосфере и стали жить Артемид и Флорика. Они позже приручили огромного бурого медведя, назвав его Перс, волка, что зовётся Вепсом, и ещё одного барана и козу, соответственно диких.

А пока вернёмся к тому, что они делали дальше, как река забрала их живые тела и вынесла непонятно куда, далеко от их родного дома.

Первую ночь они не спали.

Выбравшись на берег, мокрые, обессиленные, они просто лежали на мху, глядя в чёрное небо, пробитое звёздами. Где-то рядом шумела Олт, но здесь, по эту сторону, её голос звучал иначе — не угрозой, а обещанием. Лес молчал, но молчал не пугающе, а выжидаяще. Словно давал время прийти в себя.

Артемид первым сел, огляделся. В темноте деревья казались великанами, но среди них не было враждебности. Только спокойствие и сила.

— Надо найти укрытие, — сказал он тихо, чтобы не спугнуть тишину.

Флорика кивнула. Она дрожала — не столько от холода, сколько от пережитого ужаса. Но в глазах её уже загорался тот самый огонь, за который их изгнали. Упрямый, живой, нестираемый.

Они пошли вдоль реки, держась ближе к воде, чтобы не заблудиться. К утру наткнулись на скальный выступ, под которым образовалось что-то вроде пещеры — неглубокой, но достаточной, чтобы укрыться от ветра. Артемид наломал лапника, устелил землю, и они провалились в сон без сновидений.

Проснулись ребята от холода. Солнце ещё не поднялось, но небо уже светлело, и туман стелился над рекой. Флорика села, кутаясь в мокрую ещё одежду, и посмотрела на Артемида. Он спал, сжавшись в комок, и во сне лицо его казалось совсем мальчишеским.

— Артемид, — позвала она тихо. — Вставай. Надо двигаться.

Он открыл глаза, и первое, что увидел — её лицо, осунувшееся, но с тем же упрямым огоньком. И улыбнулся.

— Живы, — сказал он просто.

— Живы, — ответила она.

****Глава 1. Первые дни**

Ребята пошли вглубь леса, по пути срывая какие-то ягоды. Артемид знал, какие растения можно употреблять в пищу, но таких он не нашёл. Они всё шли и шли в лес, подальше от реки. Туда, где деревья стояли стеной, а под ногами пружинил мох. Идти было трудно — ноги заплетались, живот подводило от голода, но они шли, потому что останавливаться было нельзя.

К вечеру вышли на поляну. Ровную, сухую, защищённую скалами с одной стороны и густым лесом с другой. Посередине рос огромный дуб, в объёме — не меньше трёх человек.

— Здесь, — выдохнула Флорика.

Артемид огляделся. Место и правда казалось особенным: тихим, тёплым, словно сам лес расступился, чтобы дать им этот кусочек земли.

— Здесь, — согласился он.

Первый шалаш соорудили из веток и лапника. Натаскали мха, утеплили как могли. Внутри пахло хвоей и сыростью, но это было лучше, чем открытое небо.

Еду искали где придётся. Артемид нашёл ручей, напился сам и принёс воды в берестяном свёртке. Флорика обнаружила кусты с мелкими тёмными ягодами — кисловатые, но съедобные. Потом попался гриб, потом ещё один. Лес кормил, но скупой, проверяя их на прочность.

Прошло несколько недель, прежде чем они решились строить настоящее жильё. Артемид присмотрел деревца помоложе, начал валить их, обрубать сучья. Работа шла медленно — топора не было, только острый камень да нож, который чудом сохранился в кармане.

Флорика таскала мох, собирала глину у ручья, плела верёвки из крапивы. По вечерам они валились с ног, засыпали в шалаше и даже не слышали ночных звуков.

К осени дом был готов. Кривоватый, с подслеповатым окошком, но тёплый, сбитый на совесть. Печь сложили из камней и глины, и когда огонь впервые весело заплясал внутри, Флорика заплакала.

— Ты чего? — испугался Артемид.

— От счастья, — улыбнулась она сквозь слёзы. — Это наш дом. Понимаешь? Наш.

Ребята радовались каждому совместному сооружению, каждой общей мысли, пониманию друг друга без слов. Они строили свой мир.

Первая их зима выдалась снежной, холодной, но они пережили. Артемид научился ставить силки на зайцев, изредка удавалось подстрелить птицу. Флорика варила похлёбки из грибов, корней и того, что удавалось добыть.

По вечерам сидели у печи, слушали, как завывает ветер, и молчали. Слова были не нужны — они и так чувствовали друг друга.

Иногда, глядя на огонь, Флорика думала о том, что осталось за рекой. О деревне, о людях, которые их изгнали. Обида уже не жгла — только лёгкая горечь напоминала о прошлом.

— Мы никогда не вернёмся, — сказала она однажды.

— А надо? — ответил Артемид.

И она поняла, что он прав.

****Глава 2. Звери.****

Как-то ранним утром Флорика вышла из дома и ужаснулась: на неё шёл огромный бурый медведь, рыча угрожающе, а в спине у него была стрела. Стрела Артемиды. Она крикнула, но крик оборвало новое рычание зверя. Медведь, подойдя к ней вплотную, обнюхал её и ласково отпихнул лапой, давая понять, что она ему не нужна. Но когда вышел Артемид, зверь резко встал на задние лапы и передней отшвырнул мужчину, показывая свою мощь обидчику.

Флорика подбежала к мужу и спросила:

— Ты зачем его подстрелил? Он же теперь... разнесёт нас. Смотри, твоё лицо всё в крови.

— Дорогая, похоже, рука... сломана.

— Так, ладно, надо бы его уговорить. Я помню, отец рассказывал, что они ягоды любят.

Вскочив, она вбежала в дом, быстро схватила посуду с вареньем и аккуратно подошла к медведю. Предложив ему лакомство, она осмотрела его рану и решила погладить, дабы вытащить стрелу и залечить зверя. Медведь не сопротивлялся, но видно было, что ему больно. Сам наконец-то она извлекла из спины зверя. Но теперь, из-за травмы, он не мог охотиться. Так у них появился их огромный Перс.

Чуть позже ребята приручили какую-то дикую козу, потом барана, который, прыгая по скалам, поранился, а затем и волка. В таком составе они прожили долгую и счастливую жизнь до одного вечера... Тёмного, холодного, дождливого вечера, который перевернул их жизнь.

****Глава 3. Чёрный волк.****

Вечер был самый обыкновенный. Флорика, которой на тот момент было около пятидесяти лет, загнала козу в хлев и направлялась уже домой под проливным дождём, как услышала чьё-то дыхание и щёлканье челюстей за спиной. Обернувшись, она обомлела от страха. На неё двигался огромный чёрный волк, который готов был её разорвать. Она побледнела, перекрестилась и почему-то упала на колени.

Вдруг волк остановился в грациозной позе, и перед ней началось такое, чего она никогда в жизни не видела. Шкура начала трескаться на звере, куски шерсти разлетались в разные стороны, крови почти не было, стоял запах пота, плоти и чего-то переварившегося. Из шкуры волка стал показываться мальчик. Он плавно и хаотично, рыча и изменяясь в габаритах, вылезал из шкуры, словно рождался из пепла. Потом оболочка тела обмякла, и мальчик переступил шкуру и, выразительно сверкнув янтарно-красными глазами, произнёс:

— Простите, я не хотел вас напугать. Я хотел у вас попросить немного тепла. Я наблюдаю за вами не один десяток лет. Что вы тут делаете? Это мои владения. Я тут хозяин. Я тот, кого боятся и остерегаются те, кто живёт на том берегу. Что вы тут делаете? — чётко и твёрдо спросил мальчик.

Флорика, которая уже забыла, что такое страх в лесу, вновь его испытала. Она не знала, как и сказать мальчику. Но трясущимися губами начала:

— Мы с мужем... нас выгнали когда-то давно...

И тут открылась дверь в дом, и на пороге появился хозяин. Флорика обернулась.

— Дорогая... это кто? — спросил старик, одевая что-то от дождя, и, подойдя к ней, сам обалдел.

— Малец, ты кто? Это ты сейчас... вылез из шкуры? Так, стоп... Давай в дом, а то мою жену напугал. Мы сейчас во всём разберёмся.

Пригласив гостя в дом, он поставил перед ним чарку с водой, присел напротив и спросил:

— Ты откуда тут и...?

— Я... я вас охранял все эти осознанные ваши годы нахождения в моём лесу.

— Как это — в твоём лесу? — переспросил старик.

— А вот так. Я пришёл к вам с миром. Пожалуйста, просушите мою шкуру, повесьте её там, где не жжёт солнце, и я уйду, не причинив вам вреда.

— А не легче ли её... — только начала Флорика, как Артемид её перебил:

— Нет. Сказал же парень: высушить. Хорошо, я высушу, а ты поешь.

Артемид вышел во двор, прижимая к груди тяжёлую, ещё тёплую шкуру. Дождь только что кончился — крупные капли всё ещё срывались с крыши, звонко шлёпая по лужам. Небо очистилось, и в разрывах туч холодно поблёскивали звёзды. Где-то вдалеке ухнул филин, и лес ответил ему тихим, настороженным шорохом. Старик остановился посреди двора, не зная, куда ступить. В руках у него была не просто шкура. Она ещё хранила тепло зверя, ещё пахла той жуткой сценой, что разыгралась на глазах у его жены. Он сам не видел превращения — выскочил на крик, когда всё уже кончилось, — но Флорика, бледная, трясущаяся, смогла выговорить только: «Он вышел из неё. Понимаешь? Вышел». И теперь этот «он» сидел у них за столом, пил воду и смотрел своими жуткими глазами, а шкуру надо было куда-то деть.

Он обошёл дом, прикидывая, где бы пристроить. Ночь стояла тёмная, но глаза уже привыкли, да и свет из окон падал на землю жёлтыми прямоугольниками. Старик нашёл место с южной стороны — днём там солнце бывает, но не палит, а утром и вечером свет мягкий, рассеянный. Стена здесь была понадёжнее, из старых брёвен, не гнилых.

Артемид прислонил шкуру к забору, сходил в сарай, нашарил в темноте пару крюков — тяжёлых, кованых, ещё от отца остались. Вбил их в стену, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить лес. Потом принёс охапку сена — самого лучшего, сухого, душистого, что припас для больной козы. Расстелил его ровным слоем на широкой доске, которую примостил на двух чурбаках.

И только тогда взял шкуру.

Она была тяжёлой. Тяжелее, чем любая другая звериная шкура, что попадалась ему за годы в лесу. Меха — чёрный, густой, с синеватым отливом — переливался даже в темноте, и Артемиду показалось, что шкура ещё жива, ещё дышит. Он бережно расправил её, разложил на сене, чтобы лапы свисали свободно, а голова смотрела в сторону леса.

На миг ему почудился слабый запах — зверя, крови и чего-то ещё, древнего, нездешнего. Но ветер тут же переменялся, и запах исчез.

Артемид отступил на шаг, оглядел свою работу. Шкура висела на стене, чёрная, огромная, и в звёздном свете казалась частью ночи, притаившейся у самого дома.

— Ну, виси, — сказал старик тихо. — Раз так надо.

Он постоял ещё немного, слушая, как лес дышит после дождя, потом развернулся и пошёл в дом.

Внутри было тепло и сухо. Флорика сидела за столом, не сводя глаз с мальчика. Тот сидел неподвижно, положив руки перед собой, и смотрел в одну точку. Когда Артемид вошёл, он поднял глаза — янтарные, чуть светящиеся в полумраке.

— Высыхает, — коротко сказал Артемид, усаживаясь на лавку. — Под сеном. Как просил.

Мальчик кивнул. Чуть заметно, но в этом кивке было что-то похожее на благодарность. И в доме снова стало тихо. Только потрескивал огонь в печи да за стеной тихо шумел лес, принимая нового жильца в своём сердце.

Наконец тишину оборвала старушка, встав и сказав:

— Я вас сейчас накормлю, прости, малыш, есть только рыбная похлёбка. Сегодня мы ничего, кроме рыбы, к сожалению, не поймали.

— Вы ешьте, я вашу еду не трону.

— Мы тебя угощаем, просим.

Мальчик хотел что-то сказать, но его молчание прервал тонкий, надоедливый писк. Мышь. Опять забралась в дом, искала тёплого местечка после дождя. Флорика поморщилась — третий раз за месяц, надо бы щели заделать, — но не шелохнулась. Мальчик повернул голову. Одно движение — такое быстрое, что старики даже не успели моргнуть. Он сорвался с места, и в тот же миг в углу, где возилась мышь, раздался глухой щелчок. А потом мальчик уже сидел на прежнем месте.

В руках его, зажатая меж длинных, неестественно бледных пальцев, билась серая мышь. Но страшно было не это. Страшно было то, что пальцы эти вдруг стали иными — из-под ногтей вылезли длинные, чёрные, загнутые когти, тускло блеснувшие в свете печи.

Мальчик посмотрел на мышь спокойно, даже равнодушно. Потом, без всякого усилия, открутил ей голову — хрустнуло тихо, но отчётливо. Поднёс к губам, припал к крошечной ранке и за несколько секунд выпил всё, что в ней было.

Кровь тонкой струйкой стекла по его подбородку, но он даже не вытер. Потом, всё так же не глядя на стариков, разжал пальцы и выкинул тушку в открытое окно. Мышь шлёпнулась где-то в траве, и лес тут же принял её — зашуршало, завозилось, кто-то мелкий и голодный подобрал добычу.

Мальчик повернулся к столу. Когти уже втянулись, пальцы снова стали обычными — тонкими, почти детскими. Он обвёл взглядом Флорику и Артемида, и в этом взгляде не было ни вызова, ни страха, ни даже любопытства. Только спокойствие. Спокойствие того, кто всегда так жил.

— Простите, — сказал он тихо. — Я не хотел вас пугать. Просто... я так ем.

Флорика перевела дыхание. Она не закричала, не отшатнулась. Только положила руку на стол ладонью вверх — жест, понятный любому живому существу.

— Ешь, — сказала она просто. — Мы не судьи тебе.

Артемид молча кивнул. В голове у него крутилась одна мысль: «Кого мы приютили?» Но вслух он ничего не сказал. Только подвинул к мальчику чарку с водой.

— Пей, — буркнул он. — После такого пить охота.

Мальчик взял чарку, отпил глоток и снова замер, глядя на огонь. А в траве, там, где валялась мёртвая мышь, уже хозяйничал ночной лес, принимая этот странный дар. Ночь вступала

в свои права, и пора было ложиться спать. Гостя разместили на печи, сами хозяева пошли в свою спальню, затворив за собой дубовую дверь. Когда дом стих, старик спросил у жены:

— Ну что, что думаешь о нашем госте? Может, оставим его... он всё-таки ещё ребёнок, хоть и с непростой судьбой.

— Оставим, хорошо. Артемид, а если и нас он прикончит? Ты видел, что это за существо?

— Да, дорогая, видел, но если бы он хотел нас прикончить, то сожрал бы давно. Завтра ему скажем о нашем решении, а сейчас давай ложиться спать.

Тем временем мальчик крепко спал, но его природа, его проклятие звало его на улицу. Инстинкты подсказывали, что в лесу что-то неладное. Но впервые в жизни, за много веков, он вылез из шкуры, показался человеку и доверился.

Но лес звал его сильнее. Сначала тихо, как ветер в ветвях, потом настойчивее — низким, вибрирующим гулом, от которого у мальчика свело судорогой пальцы. Когти сами выскользнули наружу, впились в деревянную лежанку, оставляя глубокие борозды. Глаза распахнулись в темноте, янтарные, светящиеся, полные древнего, животного ужаса.

Что-то было не так. Инстинкты, въевшиеся в самую суть его существа, кричали об опасности. Там, в лесу, за стенами этого жалкого человеческого жилья, происходило то, что требовало его присутствия. То, для чего он был создан. То, ради чего его проклинали.

Он сел, прислушиваясь. В доме было тихо — только потрескивали догорающие дрова в печи, на которой он лежал. Старики не слышали зова. Они были людьми, их уши были закрыты для голоса леса.

Он должен был встать. Должен был выйти, содрать с гвоздя шкуру, надеть её и стать тем, кем был всегда — тенью, страхом, волком. Лес ждал своего хозяина.

Но он не двигался.

Впервые за много веков он не подчинился зову. Впервые за сотни лет одиночества, скитаний, смертей и рождений он почувствовал то, чего не должен был чувствовать никогда.

Тепло. Доверие. Дом.

Он закрыл глаза, и перед внутренним взором встали лица тех, кто сделал его таким. Мать — простая женщина, которая в ужасе отшатнулась от младенца с клыками. Отец — полукровка, что исчез в лесу, не выдержав двойной природы. Старейшины вампирского рода, чьи голоса до сих пор звучали в его голове:

«Никогда не снимай шкуру перед человеком. Никогда не спи под одной крышей с теми, кто не знает твоего имени. Никогда не доверяй. Иначе проклятие сожрёт тебя изнутри, и лес отвернётся от тебя навеки».

Он нарушил это. Все три запрета. За одну ночь.

И теперь лес звал его, требуя ответа. Требуя крови. Требуя, чтобы он вспомнил, кто он на самом деле.

Мальчик сжался в комок на тёплой печи, зажимая уши руками, но голос леса не слушался — он звучал внутри, в каждой клетке его тройной, проклятой природы.

— Я знаю, — прошептал он в темноту. — Я знаю, что должен идти. Но... можно мне побыть здесь ещё немного?

За дверью спальни было тихо. Старики спали, не зная, какая битва разворачивается в душе того, кого они приютили. Они даже не подозревали, что этот мальчик — тот самый лес, которого боялась деревня. Тот самый, что наблюдал за ними все эти годы. Тот самый, что мог бы убить их в ту же секунду, как переступил порог.

Но не убил. Влад остался. Спит на их печи, сжимаясь в комок от боли, которую не могут понять люди.

Лес молчал. Только ветер завыл сильнее, да где-то далеко ухнул филин. Мальчик лёг обратно, глядя в потолок. Старики были заперты в своей спальне, но он чувствовал их присутствие — два тихих, ровных дыхания, два живых сердца, два тепла, которые согревали его лучше любой печи.

И в этом простом, неосознанном тепле было больше, чем во всех веках его бесконечного одиночества.

Где-то глубоко внутри проклятие заскрежетало, заворочалось, но пока — только пока — отступило. Давая ему эту ночь. Эту маленькую, невозможную передышку.

А лес всё ждал. Лес всегда ждёт.

Наутро старики, проснувшись и выйдя в гостиную, ахнули: почти вся печь была исцарапана, а мальчик лежал, свесившись без сил, когти торчали из-под одеяла. Они аккуратно поправили его, укрыли и пошли завтракать. Но их запах разбудил его. Запах крови, запах жизни — тот самый, от которого он бежал сотни лет.

Вскочив, он последовал за хозяевами дома, сел с ними за стол и спросил:

— Вы простите, я сегодня уйду. Я испортил ночью ваше имущество. Печь... я найду того в деревне, кто её переложит.

Женщина нежно положила свою руку на ладонь мальчика и сказала:

— Нет, только не люди. Они нас много лет назад изгнали из своей деревни. За нашу любовь. Но ведь сердцу не прикажешь. И теперь я отвечаю на твой вопрос — именно из-за людей мы живём в твоём лесу. Ты нас не прогнал, ты нас принял. И спасал, правда, не знаем от чего. Но спасибо тебе за твоё богатое сердце. Как тебя зовут? Мы с Артемидом даже не спросили вчера тебя ни о чём — настолько мы были под впечатлением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.